Оригинальная статья / Original article
УДК 902/904 (571.5)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-53-65

К исторической географии народонаселения Байкальской Сибири (северно-евразийские связи в эпоху бронзы и раннего железа)

© П.Б. Коновалов

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: Байкальский регион, находящийся на стыке Центральной и Северной Азии или Сибири, зачастую именуют Байкальской Сибирью. Один из наиболее известных его исследователей А.П. Окладников рассматривал Байкальский регион как своеобразную в историко-культурном отношении область, где в силу природно-географических условий имело место необычайно интенсивное историческое развитие, происходили встречи и скрещивание культур. Основная часть статьи посвящена обзору и анализу исследований академиком А.П. Окладниковым петроглифов Байкала, Ангары и Верхней Лены – тех сюжетов из них, которые имеют несомненные параллели в петроглифах Карелии и Скандинавии, указывают на трансконтинентальные культурные связи в эпоху бронзы и раннего железа. Среди сюжетов, встречающихся в разных частях Северной Евразии, прежде всего, обращают на себя внимание изображения хвостатых человечков с рогами на голове, лебедей и лодок с гребцами. Помимо петрографических параллелей, на территории Предбайкалья отмечается целый пласт уралоязычной топонимики, которая предшествует распространенной в регионе топонимике алтаеязычной. В свете этих разработок можно предполагать, что Байкальская Сибирь в период бронзы – раннего железа находилась не только в зоне алтайской языковой общности, но и в пограничной зоне контактов с уральской общностью, что подкрепляет позицию сторонников реальности урало-алтайской лингвистической теории.

Ключевые слова: Байкальская Сибирь, Приуралье, Карелия, Скандинавия, бронзовый век, петроглифы, перекличка сюжетов, этнокультурные ареалы, урало-алтайская общность

Благодарности: Публикация выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00082 «Внутренняя Азия в исторической картографии – реконструкция ее историко-культурного прошлого».

Информация о статье: Дата поступления 18 сентября 2019 г.; дата принятия к печати 21 октября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Коновалов П.Б. К исторической географии народонаселения Байкальской Сибири (северно-евразийские связи в эпоху бронзы и раннего железа) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 53–65. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-53-65

Towards the historical geography of the population of Baikal Siberia (Northern-Eurasian Relations in the Bronze and Early Iron Age)

© Prokopiy B. Konovalov

Institute of Mongolian, Buddist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

Abstract: The Baikal region is located at the junction of Central and North Asia or Siberia, it is often known as Baikal Siberia. One of its most famous researchers, A.P. Okladnikov regarded the Baikal region as a region historically and culturally peculiar, where, due to natural and geographical conditions, an unusually intensive historical development took place as well as meetings and crossing of cultures took place. The main part of the article is devoted to the review and analysis of research of petroglyphs of Baikal, Angara and Upper Lena by Academician A.P. Okladnikov – the scenes that have undoubted parallels in the petroglyphs of Karelia and Scandinavia, indicate transcontinental cultural connections in the Bronze Age and Early Iron Age.

Within the meaning of these researches, Baikal Siberia of this era was located not only in the area of the Altai linguistic community, but also in the border zone of contacts with the Ural community, which reinforces the position of supporters of the Ural-Altai linguistics theory.

Keywords: Baikal Siberia, Ural, Karelia, Scandinavia, bronze age, petroglyphs, plot roll call, ethnic-cultural areas, Ural-Altaic community

Acknowledgements: The publication was supported by the RFBR grant No. 19-09-00082 “Inner Asia in historical cartography, the reconstruction of its historical and cultural past”.

Article info: Received September 18, 2019; accepted for publication October 21, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Konovalov P.B. (2019) Towards the historical geography of the population of Baikal Siberia (Northern-Eurasian Relations in the Bronze and Early Iron Age). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 53–65. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-53-65

Из энциклопедического определения понятия историческая география видно, насколько многоаспектна эта комплексная научная дисциплина, образовавшаяся на стыке истории и географии, изучающая «физическую, социально-экономическую, культурную, политическую географию прошлых эпох в исторической динамике» (БРЭ. Т. 12. С. 114)[1].

В предмете изучения исторической географии можно выделить два взаимосвязанных аспекта, как «две стороны одной медали»: 1. – история определенной географической территории в исторической динамике её народонаселения (заселение, контакты, взаимодействия, смены этносов и этнических общностей); 2. – предыстория народов данной территории «в лице» этносов-предков в их географическом распространении, миграциях и освоении заселяемых земель. Обобщая предмет исследования, его можно определить как географию народонаселения в его историческом движении по времени и пространству. Значит, изучение этой дисциплины связано и с этнической историей народов, с ранними и поздними, дальними и близкими культурными связями.

В качестве объекта исследования автор рассматривает Байкальский регион, находящийся на стыке Северной и Центральной Азии и потому называемый либо Байкальской Сибирью, либо Байкальской Азией. Двоякое наименование, используемое в изучении древних культур этого региона, объясняется пограничным между Восточной Сибирью (Северная Азия) и Монголией (Центральная / Внутренняя Азия) положением, обуславливающим как природно-климатическую характеристику региона (сочетание лесной и степной зон в виде взаимопроникающих клиньев горно-таежных хребтов и лесостепных и степных межгорных долин), так и его культурно-исторический облик с археологическими памятниками, типологически тяготеющими: одни – к сибирским таежным культурам, другие – к центральноазиатским горно-степным.

В плане историографии изучения данного региона нет большего по значимости вклада, чем работы академика А.П. Окладникова, оставившего труды не только с историческими построениями, но и большое количество публикаций археологических материалов, которые требуют дальнейшего осмысления и на которые могут опираться современные и будущие исследователи.

Прибайкалье рассматривалось А.П. Окладниковым как своеобразная в историко-культурном отношении область, где были выявлены яркие древние культуры эпох камня и раннего металла, в особенности, неолита и бронзового века, где в силу природно-географических условий имело место необычайно интенсивное историческое развитие, происходили встречи и скрещивание культур. Прошлое Байкальского региона, включая Приангарье, верховье Лены и всё Забайкалье до Аргуни (верховье Амура), ученый рассматривал на широком фоне археологической панорамы общеазиатского охвата, крупномасштабного историко-

[1] Большая Российская энциклопедия. Т. 12.

культурного и историко-этнографического районирования.

Особую значимость в этой связи имеют петроглифические исследования А.П. Окладникова (Окладников, 1966; Окладников, 1969; Окладников, 1974; Окладников, Запорожская, 1959; Окладников, Запорожская, 1969; Окладников, Запорожская, 1970), осуществленные им целенаправленно по регионам Сибири, Дальнего Востока и Центральной Азии и показывающие, какую роль играет изучение петроглифов в деле районирования древних культур. Главным образом по ним, но естественно, с учетом известной к тому времени общеархеологической панорамы Северной, Средней и Центральной Азии, А.П. Окладников представляет следующий опыт районирования памятников или, как он называет, видения этногенетических ареалов.

1. Петроглифы Западной Сибири и Урала принадлежат, по его мнению, предкам финно-угорских и самодийских племен.

2. Петроглифы Восточной Сибири принадлежат предкам тунгусов и отчасти палеоазиатов.

3. Петроглифы Амура, Уссури и Приморья принадлежат рыболовам и ранним земледельцам Дальнего Востока – предкам палеоазиатов и тунгус-маньчжуров.

4. Петроглифы степей и гористых лесостепей Забайкалья, Тувы, Алтая и Монголии принадлежат «охотникам на лошадей и куланов Центральной Азии». Эту группу А.П. Окладников называет центрально-азиатской, и здесь, по его мнению, «естественно искать предков алтайских народностей, в первую очередь тюрко-язычных, сначала гуннов, а после них тюрков и собственно монголов, начиная с киданей» (Окладников, 1969. С. 17–18).

Для сравнения приведем видение этнокультурных ареалов эпохи неолита на территории Сибири крупнейшего исследователя В.Н. Чернецова, который считал возможным говорить о трех основных ареалах.

1. Урало-Сибирский: от северо-востока Европы до Енисея и Саян, совместимый с финно-угро-самодийской языковой общностью.

2. Байкало-Ленский: от Прибайкалья до Охотского побережья, Чукотки и Камчатки включительно, гипотетически связываемый с предками палеоазиатских народов (что было подтверждено антропологом М.Г. Левиным)

3. Верховье Иртыша, Алтай, Забайкалье, Приамурье, Приморье, Маньчжурия, т. е. окраина степей Центральной и Восточной Азии, – сопоставима отчасти с территориями расселения алтайской языковой семьи – тюрко-монголов на западе и тунгусо-маньчжуров на востоке (Чернецов, 1973).

Районирования этнокультурных ареалов А.П. Окладниковым и В.Н. Чернецовым, отличаясь друг от друга в некоторых деталях географических номинаций, в общих чертах совпадают полностью между собой и с современной этнической картой Сибири и Центральной Азии, а главное – проецируются (имеют выходы) на проблемы изучения древнейших языковых ареалов – в данном случае уральской и алтайской языковых семей.

Вместе с тем за этими этноязыковыми ареалами, с нашей точки зрения, встает вопрос о более крупной языковой общности, объединяющей обе семьи в одну общую – урало-алтайскую, реальность которой подвергается сомнению, самими лингвистами признается проблематичной. А проблемы изучения языковых семей известны: какова историческая география, каковы исторические пути их образования – путем ли расхождения генетически единого праязыка или путем контактов и схождения/сближения разных языковых групп. Об этом достаточно сослаться на обстоятельные труды таких лингвистов как Б.А. Серебренников (Серебренников, 1982) и Т.С. Шарадзенидзе (Шарадзенидзе, 1982), обсуждающих как раз такие вопросы (в рамках коллективной монографии «Теоретические основы классификации языков мира»).

Между тем в рамках выше приведенных этнокультурных ареалов, очерченных А.П. Окладниковым, в его же исследованиях петроглифов Байкала, Ангары и Верхней Лены, обнаруживаются следы древнейших трансконтинентальных связей населения этого региона с Уралом и далее к западу до Балтики. Именно эти данные подвигли меня обратиться к историографическому наследию академика из области петроглифоведения, проливающего свет на направления и масштабы культурных свя-

зей древнего Байкальского региона, к его идеям, обращенным к северно-евразийским культурным связям.

Итак, в дальнейшем изложении нашей темы особое место занимают петроглифы Байкала, Ангары и Верхней Лены, те сюжеты из них, которые маркируют именно северо-азиатскую (байкальско-сибирскую) ипостась древней культуры региона (в отличие от упомянутого выше байкальско-центральноазиатского направления связей). В названных петроглифах А.П. Окладниковым выделены рисунки-сюжеты, демонстрирующие интересные и неожиданные параллели с памятниками отдаленных от Прибайкалья древних культур Сибири и Европейского Севера.

По технике исполнения, сюжетам и идейному содержанию это в первую очередь писаницы в бухтах Саган-Заба и Ая (Айа) (Агапитов, 1881; Черский, 1895; Петри, 1914; Т.С. (Тимофей Савенков), 1925[2]; Хороших, 1924; Хороших, 1928; Хороших, 1954[3]; Хороших, 1960; Хороших, 1971; Окладников, 1974; Горюнова, Ткачева, 1989; Агеева, Дэвлет, Ребрикова, 1996), нанесенные на отвесных, уходящих в глубину Байкала, беломраморных плоскостях береговых скал, а также рисунки на горе Сахюрта (Кремнистая) (Петри, 1914; Хороших, 1928; Хороших, 1954; Хороших, 1960; Хороших, 1971; Окладников, 1974; Агеева, Дэвлет, Ребрикова, 1996) и на скале около улуса Елгазур (Окладников, 1974; Агеева, Дэвлет, Ребрикова, 1996), датируемые по разнообразию сюжетов от неолита до бронзового и раннежелезного веков.

По интерпретации Окладникова наскальные рисунки в бухтах Саган-Заба и Ая отличны от подавляющей массы забайкальских писаниц как по технике выполнения, так и по содержанию и стилю[4]. Это, прежде всего, крупные антропоморфные фигуры – изображения людей или духов в человеческом облике. По комплекции широкоплечих и узкобедрых мужских тел с пропорционально короткими, но характерно переданными ногами, они напоминают танцующие фигуры. На головах или вместо головы у некоторых торчат рожки в виде развилки, а на теле изображены прямые или зигзагом полосы, напоминающие змею. Все это явно напоминает шаманские наряды изображенных людей, а их танцующие позы – ритуальные священнодействия шаманов (рис. 1) (по: Окладников, 1974. С. 73. Табл. 7). Змеи изображены и на главной фигуре шамана-танцора в бухте Ая (рис. 2: 1) (по Окладникову, 1974. Табл. 26).

Огромный интерес представляет география сопоставимых с байкальскими рисунками памятников. Рисунки Саган-Заба сближаются с писаницами на скалах Братская (Большая) Када в устье р. Оки близ г. Братска (Среднее Приангарье) (Окладников, 1966. Табл. 155: 1, 2) и вместе с ними демонстрируют совпадения с аналогичными памятниками Западной Сибири, Северного Приуралья и далее до Скандинавии. В свою очередь, антропоморфные фигуры из Братской Кады совпадают с изображениями на глиняных сосудах из раскопок поселения Самусь IV в низовьях р. Томи, относящихся к одному времени с литейными формами сейминско-турбинских (р. Кама и Ока за Уралом) бронзовых топоров-кельтов и наконечников копий (Окладников, 1974. С. 72)[5].

О змеях мрачной страны Похьёлы говорится в рунах Калевалы, надо полагать, что их изображения и представлены на петроглифах Карелии. Образ космического змея – олицетворения преисподней, владыки морских глубин – важнейший мифологический сюжет скандинавских наскальных рисунков. О нем, мировом змее, повествуется в «Младшей Эдде», где в яростной схватке с ним поражает его бог-громовик Тор своим волшебным Молотом, и он же изображался на петроглифах Скандинавии (Там же, 1974. С. 94–95).

[2] Т.С. (Тимофей Савенков) Байкал. Сибирь, Николаевск, 1925. № 4. С. 16–17.

[3] Хороших П.П. Отчет об обнаруженных рисунках на скалах оз. Байкал в 1953 г. // Архив ИА АН СССР; Р-1, № 852. 20 с. (Иркутск, 1954).

[4] Они разновременны, ранние из них датируются (округленно) II тыс. до н. э., поскольку материалы из поселения в этой бухте датируются археологическими аналогиями и радиоуглеродным анализом угля в рамках глазковской культуры XVIII–XII вв. до н. э., представители которой, по мнению А.П. Окладникова, и оставили эти произведения искусства (Окладников, 1974. С. 72–75).

[5] Со ссылкой на: Матющенко, 1961.

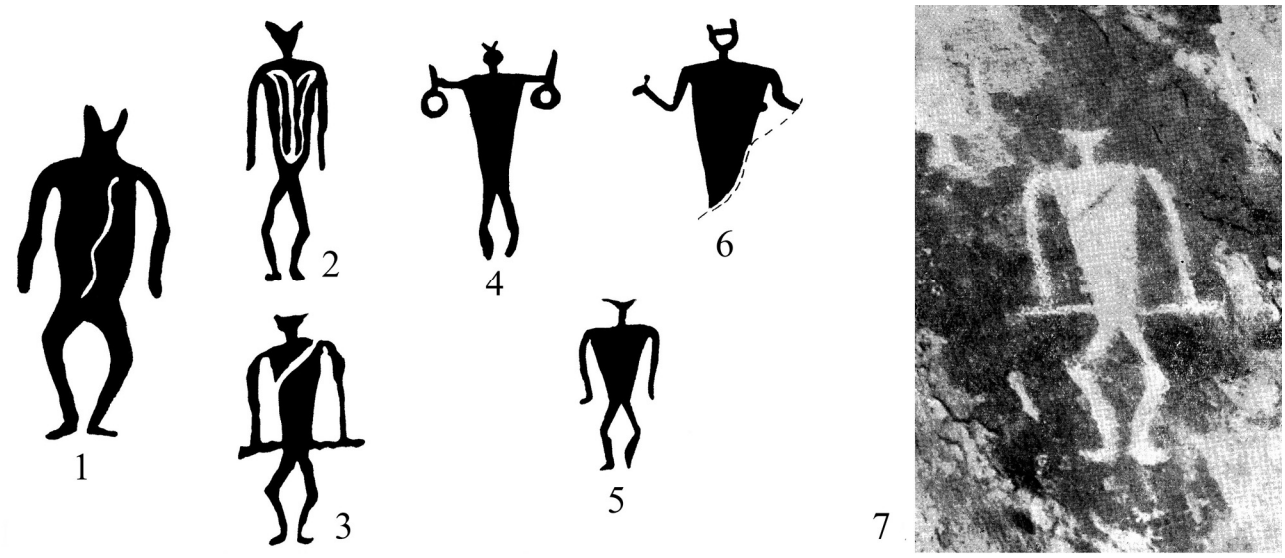

Рис. 1. Антропоморфные фигуры на скале Саган-Заба (по: Окладникову, 1974. С. 73, 98)
Fig. 1. Anthropomorphic figures on the Sagan-Zaba rock (in: Okladnikov, 1974. P. 73, 78)

Вполне возможно, что таково же значение молота или секиры в руках шамана-божества на скале Саган-Заба (рис. 1 (2) (по: Окладникову, 1974. С. 98. Табл. 8). Не исключено, что в этом образе до Байкала дошли отзвуки скандинавского мифа, следы которого отмечены и в фольклоре сибирских народов, например, в якутском мифе о «Сыне Неба» Халлан-Уола, полагает Окладников (Окладников, 1974. С. 97).

Кроме того, о связях таежных племен Восточной Сибири с Западной Сибирью и далее с Западным Приуральем можно судить и по находкам бронзовых вещей – таких как бронзовые кельты сейминско-турбинского типа из верховьев р. Лены (Горемыки, Верхоленск – это тоже Прибайкалье), а также наконечники копий с длинной втулкой и листовидным пером, известных даже из Якутии. В этой связи нельзя не вспомнить свидетельство о культе змеи, отраженном в художественном оформлении бронзовых изделий сейминской культуры, например, фигуры змеи на кинжале и образе змеи на бронзовом навершии – знаке вождя из Шиверского могильника на Ангаре (Окладников, 1974. С. 96).

Кроме бронзовых изделий сейминско-турбинских форм о наличии культурно-исторических связей, на этот раз направленных встречно, с востока на запад, свидетельствует появление на Урале и в Поволжье белонефритовых колец глазковско-шиверского типа (Там же. С. 75)[6].

Не менее отчетливо просматривается в байкальских петроглифах бронзового века комплекс идей, связанных с культом плодородия, воспроизводства человеческого рода. Это антропоморфная фигура в позе рожающей женщины, имеющая ближайшую аналогию в изображении на скале в Большой Каде в Приангарье (рис. 3: 1, 2) (по Окладникову, 1974. Табл. 15: верхний; Окладников, 1966. Табл. 156: 3), а дальняя аналогия ей известна из работы В.И. Равдоникаса по материалам онежских петроглифов (Равдоникас, 1936. Табл. XX: 4). Или изображения мужчины и женщины в позе совокупления также имеют параллель в рисунках Большой Кады (Окладников, 1966. Табл. 152, 184: 3). Аналогичный сюжет имеется на петроглифах Оленьего острова в Карелии, известен он и в Скандинавии (Равдоникас, 1936.Табл. XII: 82, 83).

Еще один сюжет байкальских петроглифов – изображения гусей или лебедей. Образы таких птиц в бухтах Саган-Заба и Ая, притом расположенных группами, явно неслучайны (рис. 4) (по: Окладникову, 1974. С. 90. Табл. 16, 17). В первую очередь они ассоциируются с фольклорным мифом о

[6]Со ссылкой на В.А. Гордцова и С.В. Киселева, которые писали о прибайкальском происхождении нефритовых колец в европейской части России.

происхождении хоринских бурят, согласно которому легендарный предок Хоридой-Мэргэн сочетался браком на берегу Байкала с небесной женщиной-лебедицей. Однако в основе хоринской легенды лежит широко распространенный странствующий мировой сюжет, потому и важны изображения этих птиц в контексте нашей темы – для характеристики западных связей байкальских петроглифов. Лебедь или гусь, изображенный на скале Братской Кады в Приангарье, выполнен «в чисто карельской петроглифической манере», что видно из многочисленных изображений лебедей в петроглифах Онежского озера, о которых В.И. Равдоникас писал, что они выделяются среди других элементами космической семантики (Равдоникас, 1937. С. 20–21). Значение промежуточного звена между изображениями лебедей в Восточной Сибири и Карелии, приобретает фигура птицы, сходной с лебедем, вырезанная на глиняном сосуде, найденном В.И. Матющенко в раскопках поселения эпохи ранней бронзы в Самуськах на р. Томи (Окладников, 1974. С. 93).

В аспекте дальних культурных связей значительный интерес представляют писаницы на горе Сахюрта. Они неодновременны, начиная от неолитических, демонстрируют своеобразие стилистики и семантики сюжетов.

Представляет интересен рисунок на Сахюртинской скале, где изображены антропоморфные фигуры, занятые борьбой. К сожалению, в монографии А.П. Окладникова этот рисунок отсутствует, но автор о нем пишет немало: что изображенные фигуры ассоциируются с ритуальной борьбой на якутском празднике Ысыах, олицетворяющей борьбу зимы и лета, света и тьмы; что изображения борьбы обычны на петроглифах Скандинавии, где они представлены в виде фигур борцов и воинов на фоне остальных сюжетов.

Сцены ритуальной борьбы-состязания представлены на ангарских петроглифах Большой Кады (рис. 5), где два человечка схватились руками, на другом рисунке два существа стоят рядом с протянутыми друг другу руками, одно из них имеет птичью голову, под ними еще пара человечков, возможно, тоже борющихся. О птицеголовой фигуре

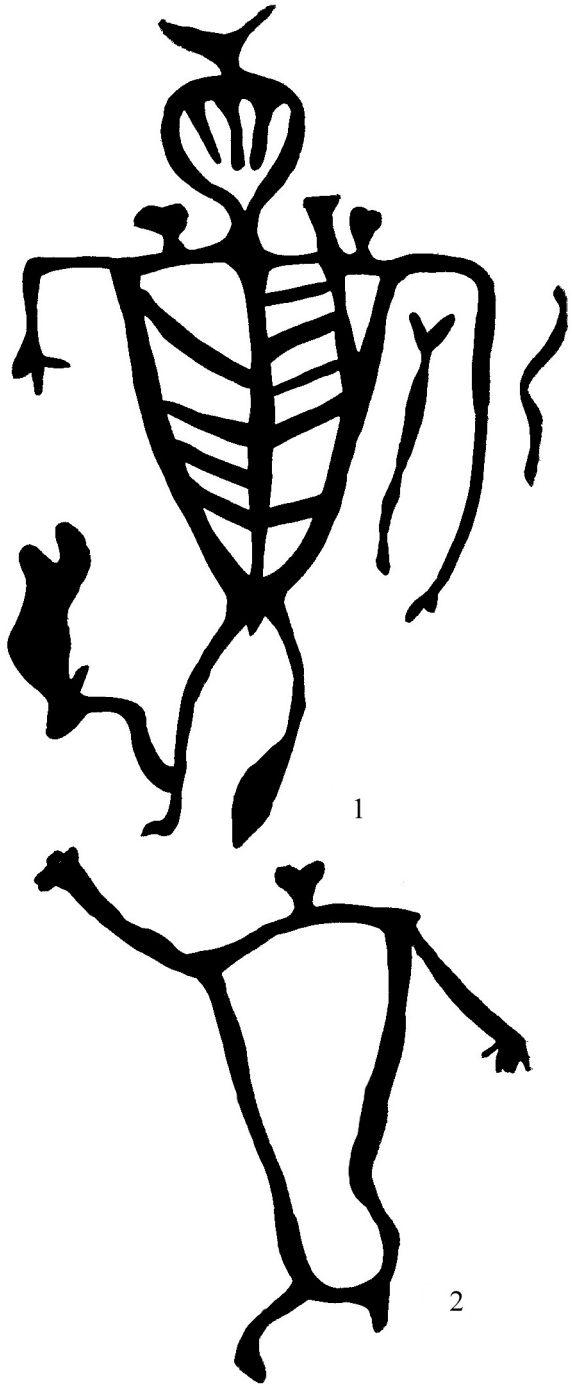

Рис. 2. Антропоморфные фигуры на скалах в бухте Ая (по: Окладникову, 1974. Табл. 26)
Fig. 2. Anthropomorphic figures on the rocks in Aya Bay (in: Okladnikov, 1974. T. 26)

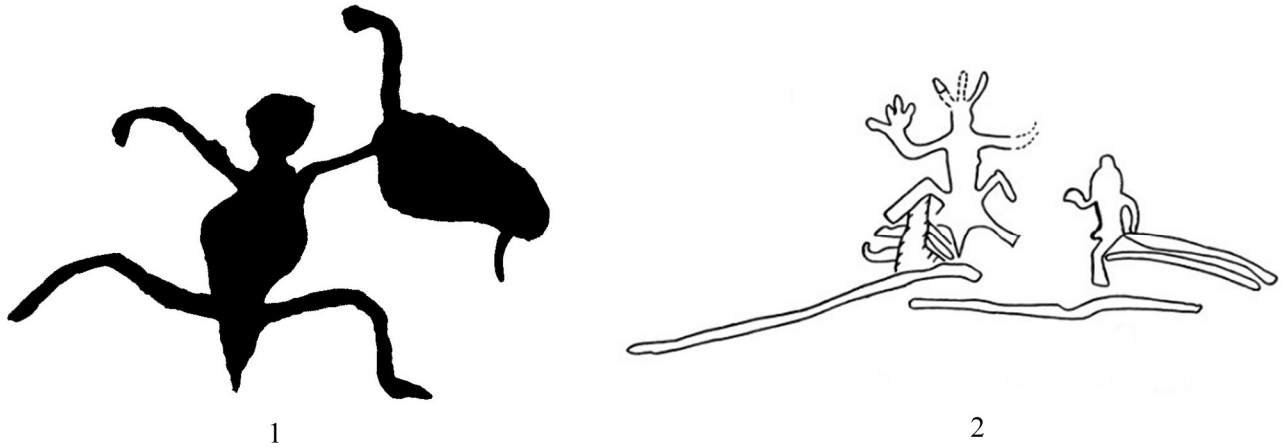

Рис. 3. Антропоморфные фигуры в позе рожающей женщины: *1 – петроглифы Саган-Заба (по: Окладникову, 1974. Табл. 15); 2 – Большая Када (по: Окладникову, 1966)*
Fig. 3. Anthropomorphic figures in the pose of a woman giving birth: *1 – Sagan-Zaba petroglyphs (in: Okladnikov, 1974. T. 15); 2 – Bol'shaya Kada (in: Okladnikov, 1966)*

на этом рисунке Окладников пишет, что такие имеются на скандинавских петроглифах в Ришеде, Богуслене (Окладников, 1974. С. 110)[7].

И еще: на рисунке из Варлеса (Танум) голова одного из двух персонажей, сочетающихся друг с другом, тоже птичья как на изображении в Ришеде, Большой Каде и на горе Сахюрта. Не исключено, что птицеголовые фигуры горы Сахюрта, Большой Кады и Скандинавии, по мнению Окладникова, представляют демоническое начало, силы тьмы и зла, противоположные силам света и добра древней дуалистической мифологии. В этой связи вполне уместно сопоставление птичьего клюва у сражающихся фигур на рисунках горы Сахюрта и скалы Большая Када с фольклорным образом демона-птицы «муушубуун» бурятского фольклора. Сам по себе факт наличия столь сходных друг с другом явлений, притом не изолированных, а комплексных, дает основание думать, что здесь имела место не конвергенция, а взаимодействие культур, конкретно – влияние Запада на Восток, – считает Окладников (Там же. С. 110–111).

Наконец, еще одно свидетельство дальних западных связей культуры бронзового века мы имеем в наскальных рисунках около д. Шишкино в верховье р. Лены. Среди писаниц Шишкинских скал, принадлежащих не только древнейшим обитателям этого края, но и ближайшим предкам современных якутского и бурятского народов, самыми интересными в контексте западных дальних связей Прибайкалья являются вереницы плывущих лодок с сидящими и стоящими в них антропоморфными фигурами (Окладников, Запорожская, 1959. С. 99–101. Рис. 36, 37. Табл. XXV (600)) (рис. 6). У фигур на головах развилки, изображающие головной убор с рогами, руки у всех согнуты и воздеты кверху в молитвенном ритуальном жесте. Изображения рядом с лодкой человеческой фигуры с такой же «рогатой головой» и руками, как у сидящих в лодках, но с ногами в позе ритуального танца и торчащими на бок хвостами как у фигур на скале Саган-Заба на Байкале, а также некоторые другие стилистические детали объединяют ленские и байкальские рисунки, позволяют считать их однокультурными, в рамках бронзового века.

Датировка этой композиции из лодок с человеческими фигурами в них и вне их подкрепляется далекими и близкими аналогиями с запада. Одинаковые процессии лодок с сидящими в них человеческими фигурами известны на Енисее[8], такие же лодки отмечаются как наиболее характерные в

[7]Ссылка на: Almgren O. Nordische Felszeichnungen als religiose Urkunden, Frankfurt am Main, 1934, S. 183, 397, Tabl. 163, 79.

[8]Ссылка на И.Т. Савенкова, 1908; К.В. Вяткину, 1949.

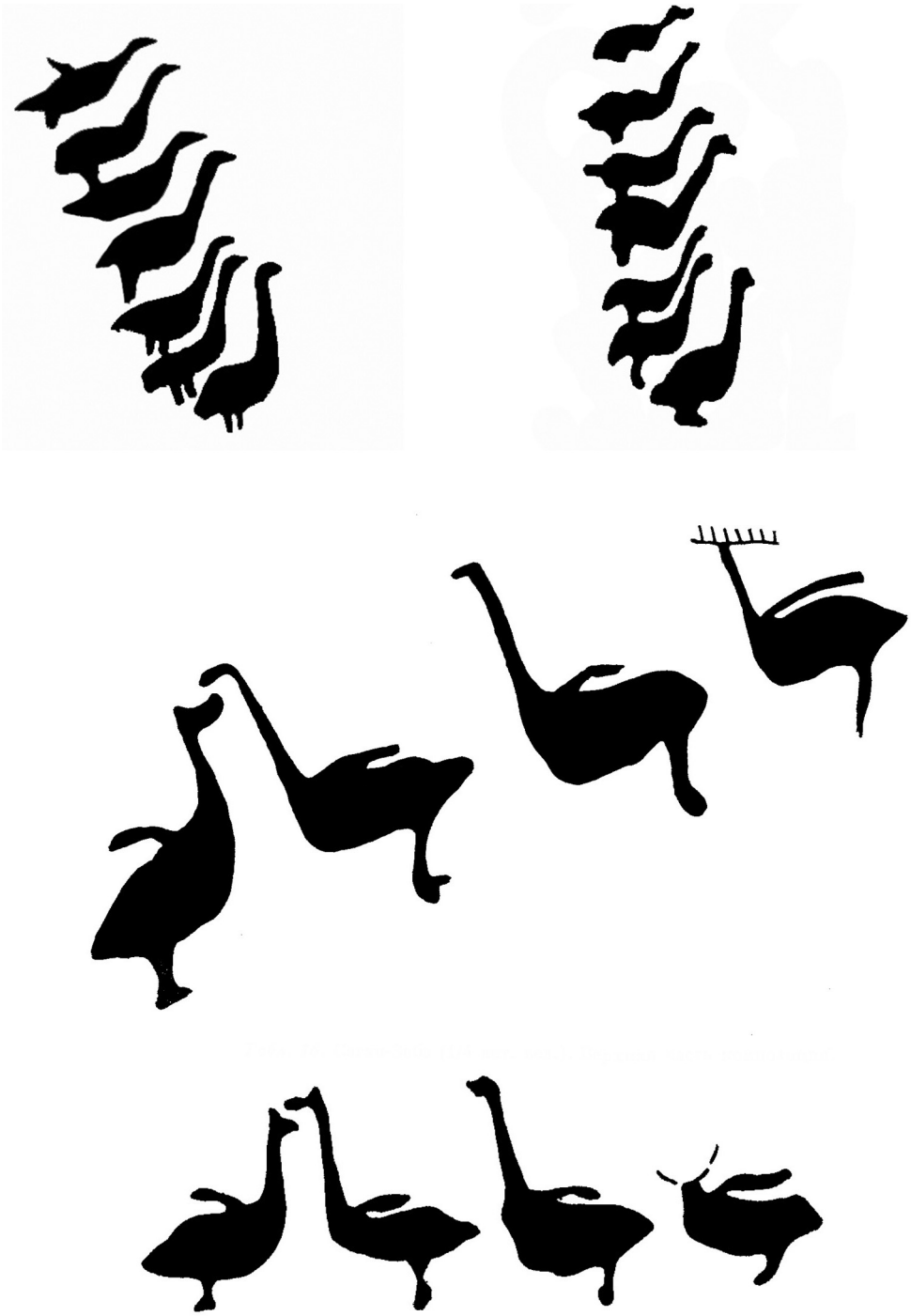

Рис. 4. Изображения гусей или лебедей на скале Саган-Заба (по: Окладникову, 1974. Табл. 16, 17)
Fig. 4. Images of geese or swans on the Sagan-Zaba rock (in: Okladnikov, 1974. T. 16, 17)

петроглифах Карелии и Скандинавии[9]. Сходство в них не просто сюжетами, но и некоторыми специфическими деталями: на скандинавских петроглифах показано, как сидящие в лодках люди точно также воздевают руки к небу, головы тоже двурогие, более того у них видны сбоку аналогичные хвосты[10] (Окладников, Запорожская, 1959. С. 102–103).

[9]Ссылка на В.И. Равдоникаса, 1936.

[10]Ссылкана: O. Almgren, 1934.

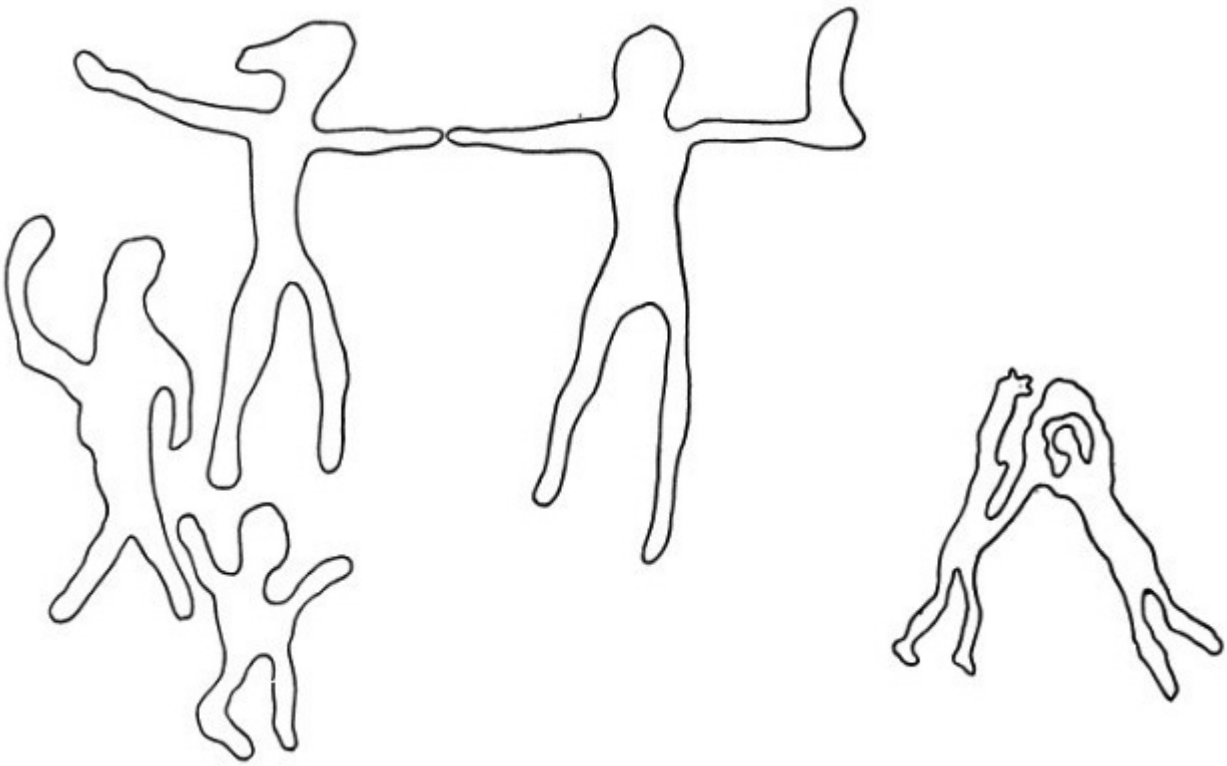

Рис. 5. Сцены ритуальной борьбы-состязания, Большая Када (по: Окладникову, 1966)
Fig. 5. Scenes of ritual struggle-contest, Bol'shaya Kada (in: Okladnikov, 1966)

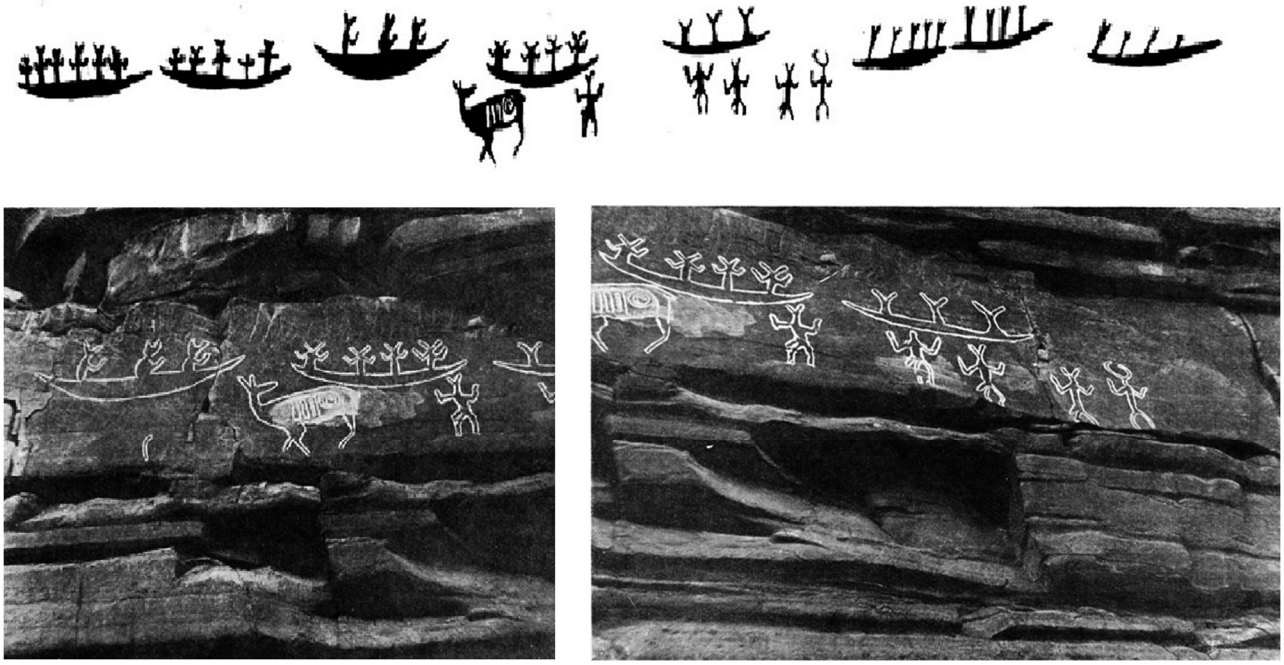

Рис. 6. Изображения плывущих лодок, Шишкинские скалы, р. Лена
(по: Окладникову, Запорожской, 1959. Рис. 36. 37. Табл. XXV (600))
Fig. 6. Images of floating boats, Shishkino Rocks, Lena River (in: Okladnikov, Zaporozhskaya, 1959. Fig. 36, 37.T. XXV (600))

Согласно прочтению А.П. Окладникова, это лодки мертвых в их плавании по реке смерти, их сопровождают образы лося или оленя с повернутыми назад головами – тема известная в шаманском фольклоре народов Сибири. «Следует думать, что такие шаманские идеи и мифы, которые могут показаться на первый взгляд целиком автохтонными, возникли не на одной лишь только местной основе, но и на почве идей, которые существовали сначала далеко на западе, а затем распространились на восток, к берегам Байкала и Лены» (Окладников, Запорожская, 1959. С. 104).

Такова загадочная, на первый взгляд, археологическая перекличка между петроглифами Байкала, Ангары и Верхней Лены, с одной стороны, Карелии и Скандинавии – с другой. Они, безусловно, неожиданны, ввиду их большой удаленности друг от друга, а также очень разных физико-географических условий дислокации культур. Однако вот что пишет исследователь этого феномена академик А.П. Окладников: «Эти примеры совпадений между петроглифами байкальского побережья и наскальными изображениями, обнаруженными далеко к западу от Байкала, взятые в целом, показывают, что сходство здесь выходит за пределы простых случайных совпадений. Нет оснований искать здесь и пример конвергентного развития, потому что никакой конвергенцией не объяснить, почему в Скандинавии и на Лене примерно в одно и то же время появляются хвостатые человечки с рожками на голове, а в Карелии и на Байкале – одинаково трактованные лебеди. И точно так же невозможно найти причины для конвергентного возникновения таких сюжетов, как лодки с гребцами в них… Тем более трудно обнаружить конвергенцию, когда одновременно появляется серия сходных сюжетов и одинаковых стилевых признаков в столь отдаленных друг от друга местах, как Карелия, Богуслен – на Западе, берега Байкала или Ангары – на Востоке… Ими представлена определенная система сходных стилевых особенностей и одновременно идеологических мотивов, наличие которых не зависит ни от сходного уровня хозяйственного развития, ни от одинаковых ландшафтных условий… Налицо не простая конвергенция, а определенная культурно-историческая общность, такая ситуация, которая сложилась в условиях взаимодействия определенных человеческих коллективов, в результате их обмена культурными элементами в ходе культурных связей» (Окладников, 1974. С. 97–99).

Говоря о глубинных факторах, социально-экономических предпосылках, для таких широких культурно-этнических контактов как в лесных областях Евразии между Балтикой и Байкалом, так, впрочем, и в соседних степях Южной Сибири и Центральной Азии, таковыми факторами ученый считает культурно-историческую ситуацию, возникшую в Евразии с переходом от камня к металлу. Такие контакты стимулировались двумя принципиально важными факторами: обменом металлом и металлическими изделиями между центрами древней металлургии, а также возникновением скотоводства, приручением лошади, позволившим воинам и торговцам широко осваивать широкие пространства, совершать по ним далекие путешествия (Там же. С. 101).

По вопросу о племенах-посредниках, при содействии которых могли достигать берегов Лены и Байкала, идеи и воплотившие их художественно-стилистические приемы, возникшие где-то на севере Европы, а может быть, и южнее…, А.П. Окладников излагает следующие соображения. В таежной полосе и в лесостепях Западной Сибири и Приуралья наше внимание приковывают, прежде всего, те племена, которым принадлежала сейминско-турбинская культура, а также их территориальные и хронологические соседи в Восточной Европе, балановцы или фатьяновцы Средней России. Культуры боевых сверленых топоров типа фатьяновской и балановской, вероятно, принадлежали не только древним индоевропейцам, но и древним финнам. По соседству с ними обитали, очевидно, угорские племена. Древним уграм должны принадлежать древнейшие очаги металлургии на Урале и в Западной Сибири, на Алтае и на Оби. Следовательно, именно от древних индоевропейцев и финнов, находившихся в живых связях с племенами Европы, Кавказа, Средней Азии, должны были распространяться к Уралу и далее на восток – в Приобье и в

Восточную Сибирь, те элементы искусства и мифологии, о которых свидетельствуют образцы искусства бронзового века на Оби, петроглифы Ангары, Байкала и Верхней Лены (Окладников, 1974. С. 102).

В результате нашего обзора и анализа, представленных здесь материалов, мы приходим к мысли об интересной, если не сказать уникальной, позиции Байкальского региона с точки зрения его места в исторической географии древних культур Азии. Мы имели возможность рассмотреть эту позицию через призму памятников наскального изобразительного искусства древних насельников, в которых обнаруживаются неожиданно далекие сюжетные и художественно-стилистические параллели с петроглифами Карелии и Скандинавии. Но академик А.П. Окладников с убедительной силой и страстью первоисследователя доказывает реальность таких связей. А это, по нашему мнению, маркирует трансконтинентальные северноевразийские культурные связи в эпоху бронзы и раннего железа. В свете этого феномена хорошо видно, что Байкальская Сибирь указанной эпохи находилась не только близко к центру алтайской языковой общности, но и в зоне непосредственного контакта с уральской общностью.

Сам А.П. Окладников не затрагивает вопросы языковых взаимоотношений в использованных нами работах. Но, как отмечено мной выше, результаты его изучения петроглифов проецируются на этноязыковую картину эпохи создателей наскального искусства на упоминаемых территориях. Дело в том, что акцентируемые мной северноевразийские связи простираются через такие исторические этноязыковые ареалы как тунгусско-монгольско-тюркский Восточной Сибири, самодийско-кетско-тюркский Средней Сибири, угорско-кетско-тюркский Западной Сибири и Приуралья и угорско-финнский Зауралья и Балтики. Эта мозаичная картина исторических контактов раскладывается, как известно, на народы алтайской языковой группы (тюрки, монголы и тунгусо-маньчжуры), вписывающиеся сюда в своем историческом движении с юго-востока, и уральской языковой группы (финны, карелы, угры, самодийцы), занимающие северную полосу этой общей картины.

Однако о том, что самодийские этнические группы в древности обитали до восточных пределов означенного ряда этноязыковых ареалов, определенно свидетельствует, прежде всего, топонимика. Достаточно сослаться на работы выдающегося географа, топонимиста, М.Н. Мельхеева. Одна из его монографий посвящена топонимике Бурятии (Мельхеев, 1969), другая – топонимике Приенисейской Сибири (Мельхеев, 1986). В каждой из них выделены главы с характерным названием «племена и народы, на языках которых формировалась топонимика…» исследованного района. Из них хорошо видно не просто сочетание алтаеязычных и уралоязычных географических наименований, но и прослежена в целом их стратификация (хронология), из чего видна первичность уралоязычной топонимии.

Таким образом, одно из направлений, в частности, североазиатский сектор исторической географии Байкальского историко-этнографического региона, рассмотренное нами по археологическим памятникам изобразительного искусства, может быть дополнено лингвистическими данными. Оба вида источников показывают, что западная предбайкальская часть региона в древности находилась в зоне уральского ареала, во всяком случае, раньше, чем она оказалась в зоне тюрко-монгольских этносов, т. е. в алтаеязычном ареале. Эта ситуация свидетельствует в пользу реальности иногда оспариваемой крупной урало-алтайской языковой общности.

Библиографический список

Агапитов Н.Н. Прибайкальские древности // Известия Восточно-сибирского отделения Русского географического общества. Иркутск, 1881. Т. 12. № 4–5. С. 1–23.

Агеева Э.Н., Дэвлет Е.Г., Ребрикова Н.Л. Результаты

References

Agapitov N.N. (1881) Antiquities of Cis-Baikalia. *Izvestiya Vostochno-sibirskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva* = Bulletin of the East Siberian Branch of the Russian Geographical Society. Irkutsk. Vol. 12. No. 4–5. P. 1–23. (In Russ.)

Ageeva E.N., Devlet E.G., Rebrikova N.L. (1996) Survey

обследования, перспективы сохранения и использования памятников наскального искусства озера Байкал // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 1996. Вып. 1. С. 111–115.

Горюнова О.И., Ткачева О.Е. Памятники бронзового века Ольхонского района Иркутской области: (к археологической карте региона) // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1989. С. 12–26.

Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. Улан-Удэ, 1969. 185 с.

Мельхеев М.Н. Географические названия Приенисейской Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1986. 144 с.

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. М.; Л., 1966. 322 с.

Окладников А.П. Петроглифы Сибири и Дальнего Востока как источник по этнической истории Северной Азии // Этногенез народов Северной Азии: материалы конференции. Новосибирск,1969. Вып. 1. С. 3–27.

Окладников А.П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука; СО АН СССР, 1974. 124 с.

Окладников А.П. Петроглифы Верхней Лены. Л.: Наука, 1977. 287 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Ленские писаницы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 144 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, 1969. Ч. 1. 217 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, 1970. Ч. 2. 262 с.

Петри Б.Э. Вторая поездка в Предбайкалье // Известия русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1914. Сер. 2. № 3. С. 89–106.

Равдоникас В.И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. М.; Л., 1936. Ч. I. Наскальные изображения Онежского озера. 200 с.

Равдоникас В.И. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений // Советская археология. 1937. № 4. С. 11–32.

Серебренников Б.А. Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков // Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1982. С. 6–62.

Хороших П.П. Исследования каменного и железного века Иркутского края: (о. Ольхон) // Известия Биолого-географического института при Иркутском госуниверresults, prospects for the conservation and use of rock art of Lake Baikal. *Arkheologicheskoe nasledie Baikal'skoi Sibiri: izuchenie, okhrana i ispol'zovanie* = The archaeological heritage of Baikal Siberia: study, protection and use. Irkutsk. Iss. 1. P. 111–115. (In Russ.)

Goryunova O.I., Tkacheva O.E. (1989) Bronze Age Sites of Olkhonsky District, Irkutsk Region: (to the archaeological map of the region). *Pamyatniki istorii, arkheologii i arkhitektury Sibiri* = Sites of history, archeology and architecture of Siberia. Novosibirsk. P. 12–26. (In Russ.)

Melkheev M.N. (1969) Toponymy of Buryatia. Ulan-Ude.185 p. (In Russ.)

Melkheev M.N. (1986) Geographic nominations of Yenisei Siberia. Irkutsk: Irkutsk state university. 144 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1966) Petroglyphs of the Angara River. Moscow – Leningrad. 322 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1969) Petroglyphs of Siberia and the Far East as a source on the ethnic history of North Asia. *Etnogenez narodov Severnoy Azii. Materialy konferentsii* = Ethnogenesis of the peoples of North Asia: conference proceedings. Novosibirsk. Iss. 1. P. 3–27. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1974) Petroglyphs of Lake Baikal – sites of the ancient culture of the peoples of Siberia. Novosibirsk: Nauka SO AN SSSR. 124 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1977) Petroglyphs of Upper Lena. Leningrad: Nauka. 287 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. (1959) Lena petroglyphs. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 144 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. (1969) Petroglyphs of Trans-Baikal Region. Leningrad: Nauka. Pt. 1. 217 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. (1970) Petroglyphs of Trans-Baikal Region. Leningrad: Nauka. Pt. 2. 262 p. (In Russ.)

Petri B.E. (1914) The second trip to the Cis-Baikal region. *Izvestiya russkogo komiteta dlya izucheniya Srednei i Vostochnoi Azii* = Proceedings of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia. Ser. 2. No. 3. P. 89–106. (In Russ.)

Ravdonikas V.I. (1936) Rock paintings of Lake Onega and the White Sea. Moscow – Leningrad. Pt. 1. Rock paintings of Lake Onega. 200 p. (In Russ.)

Ravdonikas V.I. (1937) Elements of cosmic representations in rock images. *Sovetskaya arkheologiya* = Soviet Archaeology. No. 4. P. 11–32. (In Russ.)

Serebrennikov B.A. (1982) The problem of sufficiency of the basis in hypotheses regarding the genetic kinship of languages. *Teoreticheskie osnovy klassiphikatsii jasykov mira* = Theoretical foundations of the classification of world languages. Moscow: Nauka. P. 6–62. (In Russ.)

Khoroshikh P.P. (1924) Research of the Stone and Iron Ages of the Irkutsk Territory: (Olkhon Island) *Izvestiya Biologo-geograficheskogo instituta pri Irkutskom gosuniver-*

ситете. Иркутск, 1924. Т. 1. Вып. 1. 50 с.

Хороших П.П. Доисторический человек на Байкале. Иркутск, 1928. 15 с.

Хороших П.П. Наскальные рисунки на побережье Байкала // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1960. С. 48–68.

Хороших П.П. Петроглифы Байкала // Сибирь. 1971. № 3. С. 106–112.

Чернецов В.Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири: сб. статей, посвященный памяти В.Н. Чернецова. М.: Наука, 1973. С. 10–17.

Черский И.Д. О древностях, известных в районе Ольхонского ведомства // Примечание к Землеведению Азии Карла Риттера. География стран, входящих в состав России или пограничных с нею. СПб., 1895. Ч. 2. С. 492–508.

Шарадзенидзе Т.С. Родство языков, процессы дивергенции, конвергенции и сопутствующие им классификации языков // Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1982. С. 63–107.

sitete = Proceedings of the Biological and Geographical Institute at the Irkutsk State University. Irkutsk. Vol. 1. Iss. 1. 50 p. (In Russ.)

Khoroshikh P.P. (1928) Prehistoric man on Baikal. Irkutsk. 15 p. (In Russ.)

Khoroshikh P.P. (1960) Rock paintings on the coast of Lake Baikal. *Etnograficheskii sbornik* = Ethnographic collection. Ulan-Ude. P. 48–68. (In Russ.)

Khoroshikh P.P. (1971) Petroglyphs of Lake Baikal. *Sibir'* = Siberia. No. 3. P. 106-112. (In Russ.)

Chernetsov V.N. (1973) Ethnocultural areas in the forest and subarctic zones of Eurasia in the Neolithic. *Problemy arkheologii Urala I Sibiri. Sb. statey, posvyashchennyy pamyati V.N. Chernetsova* = Problems of archeology of the Urals and Siberia: Collection of articles dedicated to the memory of V.N. Chernetsov. Moscow: Nauka. P. 10–17. (In Russ.)

Cherskii I.D. (1895) About antiquities known in the area of the Olkhon department. *Primechanie k Zemlevedeniyu Azii Karla Rittera. Geografiya stran, vkhodyashchikh v sostav Rossii ili pogranichnykh s neyu* = A Note on the Geography of Asia by Carl Ritter. Geography of countries that are part of Russia or bordering with it. St. Petersburg. Pt. 2. P. 492–508. (In Russ.)

Sharadzenidze T.S. (1982) Kinship of languages, processes of divergence, convergence and related classifications of languages. *Teoreticheskie osnovy klassiphikatsii jazykov mira* = Theoretical foundations of the classification of world languages. Moscow: Nauka. P. 63–107. (In Russ.)

Критерии авторства

П.Б. Коноваловым выполнена работа по историографическому анализу трудов академика А.П. Окладникова по петроглифам Байкала, Приангарья и Верхоленья. П.Б. Коновалов имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

P.B. Konovalov made the research work on the analysis of the historiographical heritage of academician A.P. Okladnikov on petroglyphs of Baikal, Angara and Upper Lena. P.B. Konovalov has copyright on the article and is fully responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Коновалов Прокопий Батюрович,
доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Республика Бурятия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия,
✉ e-mail: konpb@yandex.ru

Information about the author

Prokopiy B. Konovalov,
Dr. Sci. (History), professor, senior researcher,
Institute Of Mongolian, Buddist and Tibetan Studies of Siberian Branch 0f the Russian Academy of Sciences,
6 Sakhyanovoi street, Ulan-Ude 670047, Republic of Buryatia, Russia,
✉ e-mail: konpb@yandex.ru